

В. Н. Топоров

Исследования
по ЭТИМОЛОГИИ
и сЕмантике

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

В. Н. Топоров

Том 3

Индийские
и иранские
языки

Книга 2

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

УДК 811
ББК 81.2
Т 58

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 06-04-16071

Топоров В. Н.

Т 58

Исследования по этимологии и семантике. Т. 3: Индийские и иранские языки. Кн. 2. — М.: Языки славянских культур. — 384 с. — (Opera etymologica. Звук и смысл).

ISBN 978-5-9551-0419-5

В первом разделе тома завершается публикация работ по языку и культуре Древней Индии, второй раздел составили исследования по древнеиранскому языку и его культурно-историческим связям с соседними языками.

Издание рассчитано на специалистов в области индоевропейских языков, типологии, культурной антропологии, мифологии и ритуала.

ББК 81.2

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0419-5

© В. Н. Топоров, наследники, 2010
© Языки славянских культур, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Древнеиндийский язык (окончание)

Сарасвати — река, речь, красноречие.....	9
Эпистема знания и миф бессмертия («Катха-упанишада» о подвиге Начикетаса)	33
Ведийское <i>ṛtá</i> :- к соотношению смысловой структуры и этимологии.....	55
Др.-инд. <i>prathamá</i> :- к реконструкции одного из вариантов индоевропейской концепции «первого».....	73
Ведийское <i>rad</i> :- (значение, этимология, связи).....	83
К этимологии др.-инд. <i>kram</i> - ‘шагать’, ‘ступать’	96
Vedic <i>vañkú</i> -	117
Индра-муравей. Сравнительный комментарий к одному мотиву древнеиндийской мифологии	124
О древнеиндийской Ушас (<i>Uṣas</i>) и ее балтийском соответствии (<i>Ūsin̥š</i>).....	144
Трита в колодце: ведийский вариант архаической схемы	168
Предисловие к книге О. Н. Трубачева «Indoarica в Северном Причерноморье».....	172

Древнеиранский язык. Иранское наследие в соседних языках

К толкованию одного древнеперсидского слова	177
Об одном иранизме в славянском: <i>*bazuriti</i>	185
О происхождении двух русских слов (к связям с индо-иранскими источниками).....	194
Еще раз о <i>Golthescytha</i> у Иордана (<i>Getica</i> , 116): к вопросу северо-западных границ древнеиранского ареала	205

Русск. <i>Святогор</i> : свое и чужое (К проблеме культурно-языковых контактов)	219
Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре — * <i>svet-</i>	265
Об иранском мифологическом элементе в древнерусской культуре (киевская ситуация и проблема «хорезмийского» вклада)	338
Первые публикации статей	379

ДРЕВНЕИНДИЙСКИЙ ЯЗЫК
(ОКОНЧАНИЕ)

САРАСВАТИ — РЕКА, РЕЧЬ, КРАСНОРЕЧИЕ

Слово *sárasvatī* встречается в «Ригведе» (RV) полсотни раз. В указанном здесь виде оно представляет собою форму женского рода от прилагательного *sárasvant-* и, строго говоря, обозначает качество водной полноты, изобилия воды — ‘богатый водами’, ‘полноводный’ (masc.), соответственно — ‘богатая водами’, ‘полноводная’, ‘водообильная’ (fem.). Исходное значение отсылает к в о д а м (текущим, «живым»), организованным структурно как река, природный водный объект с его физико-химическими, гидрологическими, биологическими (флора, фауна, сама вода, достаточно рано мыслившаяся как нечто одушевленное) свойствами. Но в древнеиндийском языке, начиная по меньшей мере с ранневедийского периода, это слово является также и определением боги́ни Сарасвати, потерявшим свое определяемое и ставшим именем собственным (Nom. propr.) хранительницы вод, персонификации реки в аспекте быстротекущих водных масс, усваиваемых коллективным сознанием и индивидуальным чувством как мощное «жизнедающее» начало. Пока человек не появился на берегах Сарасвати и не получил первый опыт знакомства с рекой, с ее особенностями и ее характером, ставить вопрос о том, что́ — река или богиня ее — первично, не имеет смысла. Речь идет скорее не о двух разных денотатах и даже не о двух разных смыслах и сущностях, но, пожалуй, о двух с о с т о я н и я х не только не исключающих друг друга, но, напротив, сливающихся в некий цельноединый смысловой комплекс, как бы, однако, провоцирующий дальнейшее его развитие и разные варианты интерпретации и осмысления.

Здесь за дефицитом объема статьи придется вкратце обозначить лишь один вариант объясняюще-осмысляющего и «расширяющегося» опыта интерпретации «в подмогу» ведийскому *homo sapiens*. В связи с женским воплощением идеи водного изобилия в его энергичном движении вперед

нельзя пройти мимо мужского коррелята богини, а именно Сарасвата (*Sárasvat*, его имя в «Ригведе» упоминается два десятка раз), сопрягаемого с Сарасвати и на языковом (фонетическом и смысловом), и на сюжетном, и на мифологическом уровнях и мыслимого, вероятно, в образе мужа Сарасвати (*sárasvatī sárasvatébhīr*. RV III, 4, 8 «Сарасвати с потомками Сарасвата»). Во всяком случае в двух гимнах (RV VII, 95 и 96) из трех (треть — VI, 61), посвященных Сарасвати и к ней обращенных, наравне с ней присутствует не названный по имени Сарасват в первом случае (*sá vāyrdhe náryo yóṣaṇāsu | vṛṣā śísur vṛṣabhó yajñīyāsu || [...]* (VII, 95, 3) «Он вырос мужем среди юных жен, | мужественный молодой бык среди (богинь), достойных жертв») и трижды названный во втором из указанных гимнов, ср.: *janīyānto nv ágravaḥ | putrīyāntaḥ sudānavaḥ || sárasvantaṁ havāmahe* (VII, 96, 4) || *yé te saraśva ūrmāyo | mádhumanto ghrītaścūtaḥ | tébhīr no 'vitā bhava* (VII, 96, 5) || *pīpivāṇsaṁ sárasvata | stānaṁ yó viśvadarśataḥ || bhakṣīmāhi prajāṁ iṣam* (VII, 96, 6) «Стремясь получить жену, (мы), холостые, | стремясь получить сына, (мы) с прекрасными дарами | призываем Сарасвата (VII, 96, 4) || (Те) волны твои, о Сарасват, | которые пропитаны медом, источают жир, | ими будь нам покровителем! (VII, 96, 5) || Мы хотели бы прильнуть к набухшей | груди Сарасвата, которая всем видна, | (чтобы получить) потомство, жертвенную усладу!» (VII, 96, 6)¹, при *yās te stānaḥ śaśayó yó mayobhūr | yéna viśvā pūṣyasi vāryāni || yó ratmadhā vasuvid yāḥ sudātraḥ | sárasvati tām ihā dhātave kaḥ* (I, 164, 49) «Та грудь твоя, неисчерпаемая, подкрепляющая, | чем ты даешь в изобилии все лучшие блага, || та, приносящая сокровища, находящая добро, прекраснodaющая, — | О Сарасвати, позволь здесь прильнуть к ней!». Так или иначе, но жена, дети, вещество жизни — жир — все это предполагает и соучастие Сарасвата, и его покровительство.

Несмотря на подобные факты похоже, что Сарасват вторичный и по своему происхождению и по своей значимости персонаж, вызванный к жизни — в существенной своей части — образом Сарасвати как ее «маскулинизированное» соответствие, оказавшееся, однако, мало дифференцированным и недостаточно выразительным. Тем не менее идея, положенная в основу этого образа, кажется понятной: плодородие Сарасвати, ее плодородная жизненная сила должны были подкрепляться мужским персонажем с соответствующими свойствами, который в силу своего рода «Systemzwang»² а и появляется, хотя в нем оказываются неизжитыми некоторые черты «феминальности» (ср. набухшую грудь в VII, 96, 6). Кажется, что и связь с «поэтическими мыслями», со «священным словом» тоже может объясняться у Сарасвата той заразной инерцией, которая получена им от Сарасвати, ср.: *sárasvān dhībhīr váruṇo dhrtāvraṭaḥ | pūṣā viṣṇur mahimā vāyúr aśvīnā || brahmakṛto*